

Субъект в мире контекста

Александр Николаевич Кимберг, заместитель декана факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Я огорчён тем, что не могу передать выводы из моих ошибок и восторг от совершённых открытий своим детям. Они предпочитают собственный опыт.

Одна из наиболее загадочных проблем в процессе социализации состоит в том, что жизненный опыт слабо передаётся от поколения к поколению (во всяком случае, участники этого процесса не удовлетворены им). Эту проблему можно сформулировать так: с одной стороны, «родители навязывают те правила и ориентиры, которые мне кажутся неадекватными», а с другой — «я не могу предостеречь детей от ошибок, которые для меня очевидны, потому что они меня не слушают».

Но ведь знание, необходимое для социальной жизни, люди, тем не менее, получают. Как же можно передать опыт от родителей и учителей, если становящаяся личность параллельно решает проблему сепарации и эмансипации от старшего поколения? И почему при этом борьба с родителями не мешает детям воспроизводить в своей жизни многие далеко не лучшие привычки и способы их поведения?

Проблематизирую ситуацию на другом материале. Никто не обучает в университете будущих юристов, экономистов и государственных служащих брать и давать взятки и не проводит семинаров на тему, как обходить закон в угоду частным интересам. Коррупция осуждается в обществе на всех возможных уровнях и преследуется уполномоченными на это институтами. Между тем распространённость этого способа построения отношений достигла уровня социальной нормы, и, что самое странное с точки зрения педагогики, этот способ прекрасно освоен молодёжью, которую этому никто специально не учил. Почему так легко осваивается социальный опыт, которому противодействует и официальная педагогика, и государственная идеология?

На этом шаге мы вновь можем вернуться к проблеме, ждущей достойного ответа. Как

возможно освоение новыми поколениями социального опыта и знаний, если существуют процессы, противодействующие прямой и непосредственной передаче опыта? Иными словами, что именно работает, если прямая трансляция и инструктаж невозможны или малоэффективны?

«Текст-контекст»

Нам стоит расширить привычные представления об общении между людьми, введя в область рассмотрения не только характеристики текста «основного послания», но и возможные вариации в области функционирования контекста.

Понятие контекста широко употребляется в различных теоретических моделях (прежде всего в лингвистике), и оно выполняет там роль, эквивалентную понятию «среда» в психологических построениях. Основная идея пары «текст — контекст» в том, что смысл элемента определяется объёмлющей системой: слово обретает смысл только в предложении, предложение — в контексте абзаца, абзац — в контексте книги, книга — в контексте всех трудов и обстоятельств жизни автора и т.д.

Но понятие контекста эвристично и в психологии, и в педагогике. Идея контекста открывает нам более широкие возможности, чем конструкт среды. Как инструмент для моделирования контекст более дифференцирован и обладает более выраженной самостоятельной сущностью, чем среда. Наша традиционная психология по преобладающему способу мышления всё ещё преимущественно лично-центрированная конструкция, где среда — это фон, основное назначение которого — более отчётливо представить личность, оттенить её, подчеркнуть её особо выразительные повороты.

Контекст, однако, — это гораздо больше, чем фон для разворачивающегося действия, это

объёмлющий информационный поток культурного послания, который охватывает нас каждый миг и каждый день. Контекст удерживает и поддерживает повседневные социальные практики, создавая и сохраняя то, что Пьер Бурдьё¹ назвал габитусом — усвоенным и инкорпорированным, то есть впитанным субъектом до уровня телесности принципом создания схем деятельности в какой-то области. Габитус — это устойчиво воспроизводимое при меняющихся обстоятельствах ситуации субъектами, воспитанными в одной базовой культуре.

Понимание того, что слабо или вовсе незнаваемые нами схемы культуры постоянно обеспечивают структуру поведения наших уникальных и индивидуальных Я, помогает объяснить как совокупность идей или ценностей общества или профессиональной группы может оказаться влиятельной, даже если индивиды и не стремятся специально вести себя соответственно им.

Так, многие американцы не стали бы настаивать на том, что они самодостаточны, автономны и индивидуалистичны. Скорее всего, они воспринимают себя дружелюбными, ориентированными на взаимодействие и в высокой степени социальными личностями. Но они, тем не менее, постоянно «заточены» на индивидуалистическую идею и связанные с ней практики, поскольку живут в обществе, сконструированном и основывающемся на принципе индивидуализма и превосходства собственного образа жизни. Что бы они ни думали о себе, их действительная жизнь всё равно структурирована определённым образом организованными практиками и ситуациями, выйти за пределы которых возможно только путём особой работы личности².

Рассмотрим концепцию концепта подробнее, и, прежде всего, применительно к нашей текущей задаче. Задача эта следующая: нам надо понять, как работает нечто, сопровож-

дающее и объёмлющее сообщение, но этим сообщением не являющееся. Возможно, мы установим и какие-то характеристики или виды этого «нечто». Но потребуются уточнить и сам термин «сообщение». Будем понимать под

сообщением оформленную в любом виде (то есть в любой системе кодов) информацию, считываемую субъектом. Иными словами, сообщение — это упакованная любым образом информация, которую принимает субъект. Определим также и то, что мы будем понимать под *считыванием информации*. Этот акт, как бы он ни назывался, всегда обеспечивает субъекту снижение неопределённости ситуации, в которой он находится. Информация обязательно включается в проектирование будущей активности субъекта или регулирование его текущей деятельности, если же она этого не делает, то и информацией для него, строго говоря, не является.

Сформулируем утверждение, аналогичное теореме Томаса о реальности: *всё, что может быть прочитано человеком и понято им как сообщение — и есть сообщение*. Неважно, что думает по этому поводу отправитель и существует ли этот отправитель как индивидуальная сущность вообще. Сообщение — это то, что прочитывается человеком.

Вернёмся к контексту: контекст есть не просто нечто, окружающее и сопровождающее сообщение. Это всё то, что *воспринимается* человеком как обстоятельства и предыстория полученного сообщения. Более строго формулируя это обстоятельство, из которого будем исходить в дальнейшем (субъективный характер контекста), мы придём к необходимости различать между основным или центральным для субъекта сообщением и вспомогательными сообщениями, несущими информацию о способах работы с основным сообщением либо об общих характеристиках того пространства, в котором происходит действие. Вспомогательные сообщения — тоже сообщения, но они не рефлексированы (не считываются субъектом на уровне сознания, хотя учитываются им).

Приведём пример: А говорит Б: «Молодец!». Текущая ситуация (разбитая кружка) и некоторые невербальные сигналы (интонация, длительный взгляд на партнёра) формируют вспомогательное сообщение. Оно используется Б для того, чтобы идентифицировать один из множества смыслов и прочесть его в конце концов как «Раззява!».

Для психолога, натренированного в поиске и чтении невербальных сообщений, сообщение «Раззява!» сразу читается как центральное послание наблюдаемого взаимодействия, а в качестве считываемого как фон кон-

¹ Шматко Н.А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё / (Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко./ — М.: Socio-Logos, 1993.

² Markus H.R., Mullaney P.R., Kitayama, S. *Selfways*: Diversity in modes of cultural participation. In U. Neisser & D. Jopling (Eds.), *The conceptual self in context* (pp. 13–60). New York: Cambridge University Press. 1997.

текста может появиться интуитивное предположение о соперничестве между братьями в семье.

Социальный работник, сопоставляя свой опыт общения с проблемными семьями, может прочесть здесь значимое для него сообщение о том, что во взаимодействиях в этой семье не допускается физическая агрессия.

Итак, если весь поток информации, падающий на человека, мы разделяем на сообщения и контекст, то одним из центральных оснований для разделения будет то, что контекст «прочитывается» субъектом как вспомогательные сообщения. Они фактически учитываются им в уточняемой картине мира и регуляции поведения, но не осознаются ни по источнику, ни по способу происхождения.

Однако человек — существо с двойной детерминацией. Его поведение есть, с одной стороны, функция текущей ситуации, а с другой — обусловлено всей предыдущей жизненной историей субъекта, включая и тот способ, которым он выбирает, что именно вспомнить, извлечь и применить из этой истории в данный момент. «...любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним — нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Этот опыт в форме «наличного знания» (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно может быть поставлено под сомнение»³.

Итак, любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним. Разумеется, наше знание можно разложить на две части. В первой нас окружает множество поверхностных и условных связей, случайных обстоятельств, требований и капризов других людей, официальной пропаганды, оставшихся случайно в памяти сведений и фактов. Во второй же — только действенное знание, «правильные» способы действий, то знание «настоящего», лежащего под поверхностью видимого и случайного, которое и содержит истину. Знания первой части легко модифицируются в зависимости от обстоятельств, коммунизм сменяется православием, западничество — антиамериканизмом, причём смена этих когнитивных структур не вызывает у человека никакого чувства противоречия или внутренней сшибки понятий. Они не об-

ладают телесностью, чтобы сталкиваться. Противоречивость субъективной картины мира допустима и не только потому, как думал Шюц, что сама эта картина состоит из несвязанных между собой фрагментов, но потому, что она не имеет для субъекта статуса глубокой реальности, а знания не носят характера личностного знания.

Знания второй части, основаны на «глубокой реальности». Что такое эта глубокая реальность? Это опыт подчинения миру, «... подчинения, (...) выражающегося в бессознательном принятии общих мест в аристотелевском смысле слова; понятий или тезисов, которыми аргументируют, но о которых не спорят» (цит. по Шматко, 2003). Бурдые, описывая этот уровень регуляции человека, отсылает нас к базовой системе *габитусов* (пытаясь прояснить смысл этого понятия, я не могу найти лучшего конструкта, чем «привычка — верование — способ видения — действие». — А.К.). У Бурдые же это «... система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его предствления». То знание, которое извлечено из мира неосознанно, и позволяет строить на его основе поведение без включения мышления и выбора. Человек действует в социальном пространстве и более или менее адекватно реагирует на события и ситуации. Он усвоил имплицитные принципы поведения в определённых жизненных ситуациях и ему не надо думать, что и как делать. Это знание настолько естественно и тесно связано с органичным поведением, что его часто даже называют инкорпорированным. «Впечатывание» текущего жизненного опыта, оставаясь неосознаваемым, тем не менее, создаёт готовность и склонность человека чувствовать, реагировать и думать определённым способом.

Так человек получает некоторое «жёсткое ядро» своего опыта, которое становится для него основой имплицитной жизненной теории. Заметим, что в ядро опыта попадает только то, что обладает для человека подлинной истинностью, то есть это непосредственный «отжим» материала реальности.

Порождены ли контекстные сообщения самим субъектом, то есть вычерпывает ли субъект из потока впечатлений и сигналов мира именно то, на что он уже настроен? Конечно, человек иногда действительно может видеть в мире

³ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

только то, что он хочет, и искать то, что он уже знает⁴. Скрытое сообщение, строго говоря, есть результат действия механизма структурирования человеком мира. Анекдот: к психиатру приходит человек и говорит:

– Доктор, в газете про меня пишут всякие гадости!

– Покажите, где же?

– Вот, смотрите: «П» «е» «Т» «р» «О» «В» — «К» «О» «З» «ё» «Л»!

«Сообщение» вычерпано из потока, и мы смеёмся над анекдотом, хотя механизм извлечения сообщений из контекста отображён совершенно адекватно. Но дело в том, что структурирование мира субъектом не совершенно произвольно, хотя и не жёстко детерминировано культурными схемами. Культурные схемы, взятые как на уровне габитуса, так и на уровне идеологического концепта, работают везде и всегда. Субъектные предпочтения структурирования имеют дело с уже предложенным культурным материалом; мало того, знание и владение культурным структурированием мира (классификацией событий и в целом тезаурусом данной области) отличают образованного человека от невежды, а профессионала от профана. Кроме того, отдельные группы субъектных предпочтений сами могут образовывать области культуры.

Следует принять, что здесь происходит сложная и живая игра структур и принципов, структурирующих мир, в которой имеет место как использование уже имеющихся схем (и тогда культура структурирует ментальный аппарат субъекта), так и порождение и трансляция новых (и тогда субъект расширяет пространство культурных норм и схем). Однако в соответствии с принципом увеличения доли оществлённого труда в истории общества использование имеющихся норм в целом преобладает, и творение новых культурных продуктов гораздо чаще основано на новых комбинациях имеющихся элементов, чем на создании нового элемента. Каждый человек сам структурирует мир, но инструменты и способы структурирования он черпает в общей корзине, пределом которой является язык.

Между тем взаимодействие человека с миром диалектично, и в нём имеется как упорядочение среды собственными конструкциями,

так и (гораздо чаще) вычерпывание и отображение собственных связей действительности. Большинство людей продолжают активно обучаться средой, в разной степени успешно выделяя и усваивая её связи и закономерности.

Обучение средой: практики и неосознаваемые сообщения

Рационализация. Часто достаточно совершить какое-то действие, чтобы потом сконструировать, усвоить и поверить в его рациональное (вернее — рационализированное!) объяснение — это известный психологический факт. Человек, получивший в гипнотическом состоянии какое-то задание и инструкцию забыть его потом, выполняет его, выйдя из транса, и достаточно логично находит объяснение своему поведению для себя и окружающих. Социальный контекст состоит из практик, которые выполняются человеком только потому, что они стали для него естественным и несомненным способом жить и делать нечто. Выполненное действие влечёт за собой схему его объяснения и оправдания, которая может быть изобретена как самим индивидом, так и, что происходит чаще, предоставляется ему как уже в готовом виде как одобряемая или социально приемлемая модель поведения.

Помимо рационализации при взаимодействии с контекстом или средой работает ещё один механизм — бессознательного вывода или (в иных терминах) *нерефлексивного умозаключения*, модель которого практически не обсуждается. Между тем она представляет особый интерес для практиков социального конструирования, идеологов и иных манипуляторов, равно как и для субъекта, пытающегося получить защиту от манипулятивных воздействий.

Речь идёт о том, что так же, как в совокупности точек глаз человека стремится найти завершённую фигуру и достраивает её, выделяя, например рисунки созвездий, так и в сочетании и динамике событий и фактов субъект тяготеет к выделению связей и правил. В отличие от законов науки они не формулируются отчётливо и не проверяются на предсказательную надёжность или непротиворечивость следствий. Они иногда подкрепляются в личном опыте субъекта, и этого достаточно для их существования. Некоторые из этих правил психологи называют эвристика-

⁴ Одна моя знакомая рассказывала, что как-то вдруг осознала, что, читая тексты других авторов, она замечает в них только то, с чем согласна, то есть повторение собственных мыслей. Ей пришлось осознанно менять «настройку глаза», чтобы видеть новое, а не уже известное.

ми — сокращёнными способами приходиться к указаниям на решение задачи. Фактически это некоторые обобщения, которые могли бы быть сделаны человеком на основе конфигурации исходных данных: приехал из командировки раньше, жена долго не открывала дверь, а потом сразу послала его вынести мусор. Даже если наш испытуемый и не знает соответствующей культурной модели (анекдота), то при определённых условиях он может затем испытать смутное чувство беспокойства.

Нерефлективное умозаключение отражает схватываемую человеком на уровне поведения, но не представленную на уровне критического сознания связь явлений, которая выступает для субъекта как несомненное знание. Если попытаться ещё более операционально определить механизм этого бессознательного вывода, то его можно было бы описать так: а) субъект на низком уровне осознания переживает как связанные между собой несколько явлений, относящихся к значимым для него целям или ценностям (в терминологии А. Шюца — как релевантные актуальной проблеме); б) в языке существует конструкт, способный обозначить и моделировать связь между этими явлениями; г) на каком-то уровне готовности складывается связь между выделенными субъектом явлениями и культурным конструктом, их маркирующим; д) в соответствии с отношением данной связи к целям субъекта из неё формируется поведенческий компонент установки на требуемые способы действия.

Реализуемые нами практики содержат в себе множество сообщений, которые могут быть выбраны включёнными в них наблюдателями. Если вы, например, сидите на лекции, ни текста, ни цели которой не понимаете, и коротаете время, рисуя русалок на столе, то реализуемая вами практика надиктовывает вам принципиальную связь явлений этого мира и вытекающий из неё императив: «Подчиняйся и имитируй согласие».

Поищем ещё примеры практик, диктующих участникам свои сообщения. Есть, допустим, в наших университетах такая практика: администрация факультета внедряет журналы учёта посещаемости, проверки присутствия студента в аудитории и обставляет рядом сложностей разрешение студенту свободного посещения лекции.

Контекстные сообщения, прочитываемые участниками этого образовательного процес-

са, могут быть такими: «мотивация студентов — обязанность администрации», «образование — это трансляция какого-то содержания по схеме «слушаю—пишу—запоминаю». В более общем виде — «содержание модели мира, способ и темп её разучивания и необходимость её ритуального воспроизведения определяет старший по возрасту и статусу», в практическом смысле — «поощряемые здесь добродетели — подчинение и старательность», в аспекте самооправдания инфантильности — «не надо думать, с нами те, кто всё за нас решит», в протестном модуле — «борись с системой: ничего не учи и сдавай сессию как-нибудь».

Можно было бы назвать эти слабоосознаваемые и несфокусированные теоретические выкладки из практик базовыми представлениями субъекта о мире. Они складываются путём медленного формирования неких инвариантов отношений, оценок или поведенческих схем в процессе синтеза (Эрикссон) или «осаждения» (Шюц) переживаний множества наблюдаемых или воспроизводимых в автоматизированных практиках связей социального мира.

При всех недостатках формирования этих представлений их результат оказывается впечатляющим. Это так называемое личностное знание.

Личностное знание. Что же такое личностное знание, или знание, принятое личностью? То, что мы иногда используем термин «личностное знание», означает, что мы сделали первый шаг по выделению феномена, но ни в коей мере ещё не приближает нас к пониманию и объяснению этого явления. Как некое знание становится личностным и почему ученик вяло, но успешно сопротивляется навязываемому ему «неличностному» знанию?

Личность ни в коей мере не является когнитивным феноменом, её основу составляет интенциональность и пристрастность. Мы полагаем, что личностное знание представляет собой некую связь в субъективной модели мира, запечатлённую на фоне сильного эмоционального переживания. Это запечатление «гарантирует» субъекту (а субъект выступает здесь как самообучающийся организм) «истинность» или «реальность» переживания. Возьмём в кавычки и «истинность», и «реальность», поскольку смысл этих переживаний для субъекта ещё предстоит прояснить.

Наши органы чувств с различной степенью достоверности гарантируют нам реальность

образов мира: «лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать». Но есть одна модальность, которая по своей конструкции даёт несомненное (то есть не ставящееся под вопрос) знание о реальности. Это осязание, а тем более — болевое ощущение. То, что можно пощупать, ощутить как твёрдость, сопротивление, почувствовать весомость — это существует. В этом же смысле можно сказать: то, что переживается путём страдания и боли, существует более реально, чем всё остальное. Поэтому то знание, которое связано с преодолением и страданием (а под страданием мы понимаем и переживание тягот, и напряжения, связанные с движением к цели), становится направляющим и ориентирующим поведение человека. Мало того, оно схватывается как реальная связь явлений и на уровне рефлексивного сознания, и на уровне неосознаваемых ментальных моделей отношений мира и субъекта. Последние же и представляют собой психофизиологический коррелят субъективной истины.

Действие человека в мире — ещё один источник личностного запечатления. Сделать что-то, преодолевая сопротивление мира, а вдобавок пережить чувство удовлетворения от сделанного («Ай да Пушкин!»), означает схватить и запечатлеть некую действенную связь «Я — мир» в модусе преобразующего отношения. Американцам с присущей им практичностью первым пришлось в голову концептуализировать эту очевидную для нас вещь и выделить «новейший» дидактический метод: *learning by doing*!

Найти принцип или конструкт, выполнив работу его выделения среди хаоса впечатлений, и тем самым поверить в него, так же как и в себя — автора, это и есть путь бесспорного (и личностного!) знания.

Мы можем пройти этот путь и в другую сторону, что не менее увлекательно.

Возьмём тексты научных работ, особенно квалификационных работ неопитов, ещё не научившихся аккуратно скрывать свои мысли. Главные проблемы возникают в них не в том, что явно утверждает автор — здесь обычно суждения приемлемы и согласованы с доминирующим научным дискурсом. Основные чудеса происходят с тем контекстом, из которого очевидно исходят утверждения автора. Контекст мышления субъекта же есть нечто неосознаваемое и неререфлексируемое, поэтому открывающее аналитику доступ в область неоспоримого личностного знания

человека. Этот шаг в анализе текста — проявить основания того или иного утверждения, высветить конструкцию, которую автор использует для обозначения фона своих размышлений или для связи идей, продолжить оборванную на каком-то моменте мысль автора — и представляет собой рефлекссию контекста, в котором пишется текст. Не принято у нас, к сожалению, принимать во внимание неосознаваемые верования и убеждения человека. По-прежнему мы слышим и учитываем только отчётливые заявления. Но было сказано кем-то из умных и опытных управленцев: «Не слушай, что я говорю, смотри, что я делаю».

Я склонен верить бессознательным устремлениям человека гораздо больше, чем его заявлениям в своих планах. Точно так же основания мышления автора интересуют меня гораздо больше, чем его результат. Я могу расчитать этот результат и сам, понимая основания, на которые неререфлективно опирается мыслитель. Собственно, эти основания и составляют собой суть субъекта: несколько желаний, оснащённых индивидуальными, случайно возникшими, но закрепившимися в опыте инструментальными средствами, и набор предсуждений о мире, отражающих наиболее эмоционально насыщенный, возможно, подростковый опыт, которые затем при развитии вербальных способностей и уточненного теоретического аппарата перерастают в общую теорию мира.

Контекстуальное знание

Каков статус контекстуального знания? Пока оно не стало предметом педагогической и идеологической рефлексии, это естественно-культурная система, создающая ткань обыденной жизни. Но как только способ его существования становится понятным для теоретика, тут же возникает практик с вопросом: нельзя ли формировать сообщения контекста таким образом, чтобы они соответствовали неким поставленным им целям? Смысл этого запроса в том, что сообщение, извлечённое субъектом из контекста его активности, не подвергается критическому анализу и сомнению. Механизм неосознаваемого вывода приводит человека к заключениям, которые просто «появляются» у него в голове как неоспоримая картина мира: «это больше чем факт, так и есть на самом деле».

Происходит ли кристаллизация знания из контекста сама по себе в форме некоей свёр-

нутой модели или принципа? Видимо, так уж само собой и однозначно не всё происходит. Тысячи людей столетиями наблюдали поднимающийся из печных труб дым, и только братья Монгольфье увидели в нём возможность воздухоплавания. Важен некий кристаллизатор знания, который даёт толчок, и тогда человек вдруг изумлённо восклицает: «Верно! Я в этом убеждён, потому что всё это знаю». Эта роль закреплена за учителем или наставником, но наставником особым. Он не учит, сообщая знания, которым надо следовать. Он выделяет проблему, вопрошает, провоцирует высказать позицию, принять или отвергнуть нечто, возникающее в контексте как смутная тенденция. Он комментирует нечто, одинаково предстоящее и «ученику», и ему. Не так важно, как реально позиционирован учитель и в каком облике он выступает. Главное, что он делает — это то, что он даёт явлению название, схватывая его несколькими ёмкими и резкими как штрихи гравюры чертами. Вот культовый фильм доперестроечного периода «Место встречи изменить нельзя», микросюжет с карманником, которого играет Станислав Садалский, и опером Жегловым — героем Владимира Высоцкого. Жеглов, чтобы иметь возможность арестовать карманника, подбрасывает ему украденный бумажник. Нравственная (и уголовно-процессуальная!) проблема приоритета законности или целесообразности решается комментарием Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме!». Цельность характера и героическое обаяние Высоцкого делают своё дело, и зрители однозначно считают контекстное сообщение: «вор должен сидеть в тюрьме, а доказательства и тем более процессуальные нормы — это лишняя помеха».

А вот в целом симпатичный продукт современного ТВ — «одесский» сериал «Ликвидация». В нём аналогичный микросюжет — маршал Жуков, устрешённый разгулом преступности в послевоенной Одессе, санкционирует секретную операцию. Сотрудники военной контрразведки, переодетые в штатское и имитирующие неосторожных граждан, гуляя по ночному городу, «выманивают» на себя уголовный элемент и расстреливают грабителей на месте. Правда, здесь обаятельный главный герой — милиционер протестует против внесудебных расправ контрразведки, но невнятно и недолго. Контекстное сообщение снова получено: примат «целесообразности» над законностью снова заявляется как не очень приятная, но эффективная необходимость.

Итак, зафиксируем некоторые выводы. Контекстное знание здесь выглядит как очевидный вывод, вытекающий из ситуации, предложенного решения, контекстуальной оценки решения значимыми людьми. Этот вывод не доводится до формулировки, но она уже «висит на кончике пера» и нуждается только в небольшой подсказке, чтобы быть сформулированной, или в предъяснении тезиса, чтобы быть узанной.

При мощном контексте роль формально «основных» сообщений может быть не так значима. Известен педагогический совет родителям: «Вам не надо воспитывать ваших детей. Будьте просто порядочными людьми».

Мы не утверждаем, что знания, извлекаемые человеком из контекста образовательных ситуаций, обмолвок и оговорок политических лидеров, бытовых традиций и периферий сюжетов телевизионных новостей, могут быть важнее содержания образовательных программ и официальных документов. Но они вносят существенный вклад в личностное знание субъекта.

Вечная борьба дидактических подходов между вниманием к контексту, точным заучиванием канона или проблематизацией очевидного продолжается. Каждая из этих школ даёт определённый результат. Вместо заключения приведу одну из историй, рассказываемых о Конфуции (Кун-Цзы).

Цзы-Ся спросил Конфуция:

— Что за человек Янь Юань?

— В человечности он превосходит меня.

— А что за человек Цзы-Гун?

— В красноречии он превосходит меня.

— А Цзы-Лу?

— В храбрости он превосходит меня.

— А Цзы-Чжан?

— У него манеры лучше, чем у меня.

Тут Цзы-Ся поднялся со своего сиденья и спросил:

— Но тогда почему эти четверо прислуживают вам?

— Сядь, я скажу тебе. Янь Юань может быть человечным, но не может укротить свою доброту, когда это необходимо. Цзы-Гун может быть красноречив, но не может придержать свой язык, когда это необходимо. Цзы-Лу может быть храбрым, но не умеет беречь себя. Цзы-Чжан может быть величав по виду, но не может держаться дружески в компании. Даже если бы я мог приобрести достоинства всех четверых в обмен на мои собственные, я бы не сделал этого. □